

ных существ в бузинных кустарниках есть и у литовцев». П. С. Иващенко считает, что имя Буз татарского происхождения и в переводе на русский язык означает «лед».²³

Таким образом, есть все основания считать, что прилагательное «бусов» происходит от «бус» с заменой согласного «з» на «с». Слово «бусов» обозначает качества, свойственные темной силе, которую боятся люди, которая вмешивается в дела человека, олицетворяет качества Буса-дьявола. В таком случае «бусови врани» будет означать «дьявольские вороны», которые своим карканьем накликают зловеще ночное время, когда господствует дьявол Буз. Впрочем, к такому осмыслению приводит и соответствующий контекст «Слова»: «Всю ноць съ вечера бусови врани възгряху у Пльһньска».

Фраза «время Бусово» означает время дьявола, мрака, ночи времен язычества.

Здесь уместно указать и этимологические параллели, приводимые к слову «Бос» русским славистом Г. А. Ильинским. Варианты, представленные им в славянских языках, означают «чародейник», «язычник». Вот его объяснения: *bosъ* m: русск.-церковнослав. *босъ* — «бес», др.-русск. *босъ* — «стремительный», «хищный», «бурный», др.-русск. *босовъ* («Слово о полку Игореве»); укр. *бусо-вир* — «идолопоклонник», «язычник», «чародейный»; чеш. диал. *bosorkuně* «чародейка»; укр. *босорканя* — «колдунья», «ведьма»; чеш. диал. (моравск.) *bosogovai* — «колдовать».²⁴

В связи с выражением «Бусови врани» хочется отметить наличие в древнерусской литературе выражения «нощни врани». Речь идет об известном полемическом сочинении «Прение Панагиота с Азиматом» по русскому списку 1384 г. Там говорится, что души грешников «яко желькыи, и яко и ежеве, и яко и лилиякъ, и яко и нощныи врань, подобнии дияволу, яко суть творили дела егова».²⁵

IV. Безъ кнеса

Рассказывая про свой «мутен сон», Святослав киевский говорит: «Уже льскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ».

Слово «кнѣсь» объяснено как «князек, т. е. перекладина, на которой сходятся стропила крыши, или „матица“, на которой держатся доски потолка».²⁶

Специальное исследование, посвященное этому слову, опубликовал М. П. Алексеев — «К „Сну Святослава“ в „Слове о полку Игореве“».²⁷ В этом исследовании дан исторический обзор истолкованию фразы «уже льскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ». М. П. Алексеев отмечает: «В новейшей литературе о „Слове о полку Игореве“ вопрос о том, что такое „кнес“, считается решенным и не вызывает сомнений. В большинстве новейших объяснений и переводов он отождествляется с „князьком“ или, реже, с „коньком“... Кнес — это действительно „конек“ или „князек“... с которым в XII веке были связаны суеверные представления и приметы».²⁸

²³ П. С. Иващенко. Следы языческих верований в южнорусских шептаниях. — Труды III археологического съезда, т. I. Киев, 1873, стр. 324—325.

²⁴ О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского. — Вопросы языкознания, т. VI. М., 1957, кн. 6, стр. 93—94.

²⁵ А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян, стр. 255

²⁶ «Слово о полку Игореве», стр. 426.

²⁷ «Слово о полку Игореве». Сборник, стр. 226—248.

²⁸ Там же, стр. 237, 247.